

Роль культуры в демократическом транзите¹

В современных социальных и политических исследованиях культура пользуется далеко не одинаковым вниманием.

В теориях социальных систем и теориях поведения ей традиционно отводится большая самостоятельная роль². В теориях тоталитаризма и демократии дело обстоит примерно также: в том, что касается тоталитаризма – начиная с работ Э. Фромма «Бегство от свободы» (1941) и Т. Адорно «Авторитарная личность» (1950), а в том, что касается демократии – по меньшей мере, со времени выхода в свет книги Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» (1963).

Между тем, в транзитологии проблемы культуры, как ни странно, находятся на периферии научных интересов – во всяком случае, по сравнению с экономическими и социально-структурными проблемами. В ряде системных исследований транзита культурная проблематика вообще не рассматривается³. Есть работы, в которых культура трактуется по преимуществу как функция от экономических факторов, социальной структуры и т.д.⁴ Этот подход является, судя по всему, доминантным. Порой он встречается в более сложной и адекватной версии, согласно которой культура, хотя и находится под мощным влиянием экономических и социальных процессов, в состоянии, тем не менее, определять специфику вновь возникающих политических институтов [Inglehart, Baker, 2000; Inglehart, 2003], способствовать разрушению неустойчивых демократических структур [Хантингтон, 2003], и т.д.

---

¹Работа подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 году.

²См., например: [Парсонс, 2002], [Мертон, 2006], [Макклелланд, 2007], [Триандис, 2007], [Hofstede, 1984], [Schwartz, Bilsky, 1987] и др.

³См., например: [Przeworski, Limongi, 1997] и [Пшеворски, 2000].

⁴См.: [Lipset, 1959], [Olson, 1963], [Закария, 2004] и др.

Однако взгляд на культуру как на самостоятельный фактор транзита, способный сыграть решающую роль в судьбе демократизации, к числу популярных не относится. Наиболее известным сторонником такой позиции является Р. Даль. Но и он в анализе становления полиархий уделяет культуре куда меньше внимания, чем социальной структуре, политическим институтам и экономическим процессам, да и говорит о ней с крайней осторожностью [Даль, 2003, с. 399].

Со своей стороны полагаю, что культуру, экономику, технологию, социальную структуру, политику и пр. целесообразно рассматривать как систему качественно разнородных, но взаимосвязанных факторов транзита. В этой системе факторов культура – в каждый данный момент времени – играет роль ограничителя спектра возможных решений и действий индивидов, групп и общества в целом. Утверждать *a priori* лидирующую роль того или иного фактора в процессе транзита вряд ли уместно. Специфика транзита в решающей мере зависит от специфики взаимосвязей между этими факторами. Так что построение теоретических и эмпирических моделей таких взаимосвязей является столь же сложной, сколь и необходимой задачей исследований процессов транзита. Подобное моделирование предполагает тщательный анализ каждого из входящих в модель элементов, включая, разумеется, и культуру.

В данной статье речь пойдет, по преимуществу, об одной достаточно узкой, но важной проблеме взаимодействия между культурой и политикой в процессе демократического транзита – об угрозе формированию стабильной демократии со стороны такой составной части культуры переходных обществ, как авторитарный синдром.

Прежде чем перейти к содержательным рассуждениям, уточню три используемых здесь ключевых понятия: демократический транзит, культура и авторитарный синдром.

Под *демократическим транзитом* я имею в виду переход общества от авторитарного режима любого типа⁵ к режиму, базирующемуся на институционализированной и публичной конкуренции политических элит за голоса избирателей с целью обретения власти и влияния. Й. Шумпетер описывал его как «соревнование за лидерство» или «свободную конкуренцию за голоса свободных граждан» [Schumpeter, 1944, p. 271]. Р. Даль называл такой режим полиархией, с характерным для него «открытым соревнованием между политическими элитами за должность», основанным на вовлеченности «сравнительно большей части взрослого населения» в политический процесс и на наличии возможности для граждан выступать против высших должностных лиц государства и смещать их с помощью голосования [Даль, 2003, с. 40, 340].

Под *культурой* я буду понимать множество существующих в данном обществе личных культур, каждая из которых представляет собой констелляцию субъективных смыслов, ценностей, установок и стереотипов⁶. В отличие от коллективной культуры (совокупности представлений, рассматриваемых в обществе в качестве нормативных и служащих объектом периодических апелляций) личная культура является непосредственным регулятором поведения. Пользуясь фрейдистскими аналогиями, можно сказать, что роль коллективной культуры схожа с ролью *superego*, тогда как роль личной культуры – с ролью *ego*⁷. По понятным причинам совокупность имеющихся в обществе личных культур отличается от коллективной культуры большей гетерогенностью и «волатильностью» содержания, то есть способностью к достаточно быстрым изменениям иерархии ценностей и смыслов⁸.

⁵ В самом общем плане такие режимы можно разделить на «традиционные» авторитарные и тоталитарные. См., например: [Хантингтон, 2003, с. 22-23].

⁶ О концепции личной культуры см.: [Fischer, 2006], [Valsiner, 2007], [Рождественский, 2000].

⁷ Хорошим примером разницы между представлениями, входящими в коллективную культуру, и представлениями, принадлежащими множеству личных культур, могут служить различия между трактовками Добра и Зла, содержащимися в Новом Завете, и интерпретациями этих понятий в массовом сознании христиан.

⁸ Для построения теоретической модели волатильности личных культур можно воспользоваться часто используемой в теории идентичности концепцией значимости (*salience*). С. Страйкер и П. Барк определяют значимость идентичности как «[степень] вероятности того, что идентичность проявит себя в разнообразных ситуациях, или в

Волатильность культуры особенно выражена в переходных обществах. Такие часто наблюдаемые в них явления, как подъемы ресентимента⁹ или, напротив, всплески «всемирного признания» новых ценностей и отторжения прошлого принадлежат сфере личных культур.

Позволю себе теперь несколько уточняющих замечаний относительно авторитарного синдрома. За 60 лет, прошедших с публикации уже упоминавшейся книги Т. Адорно, концепция авторитарного синдрома претерпела существенные изменения. От сугубо психологической его интерпретации наука перешла к культурологической трактовке, включающей не только типические психологические черты авторитарной личности, но и ценности, идеологические предпочтения, а также образцы бытового и политического поведения. Сформировались представления не только о правом, но и о левом авторитаризме¹⁰.

С той или иной степенью выраженности авторитарный синдром присутствует в культурах практически всех стран, вступающих на путь демократизации, и делает этот путь весьма тернистым.

Многочисленные эмпирические исследования авторитарного синдрома дают основание полагать, что он относится к числу феноменов, базовые компоненты которого в высокой степени инвариантны относительно культурных контекстов, в которых они проявляются¹¹.

действиях различных людей в сходной ситуации» [Stryker, Burke, 2000, p. 286]. Согласно Р. Серпу и С. Страйкеру, изменения значимости идентичности происходят тогда, когда людям не удается найти или использовать возможности действовать образом, приписываемым их высокозначимыми идентичностями [Serpe, Stryker, 1987. – цит. по: Stryker, Burke, 2000, p. 286-287].

⁹ О ресентименте см.: [Шелер, 1999, с. 13, 18, 49]. В политической практике Испании конца 1970-х годов, а затем в Латинской Америке это явление стали обозначать как «eldesencanto» (разочарование) [Хантингтон, 2003, с. 275-277]

¹⁰ Справедливости ради скажу, что в политологии и политической эссеистике феномен левого авторитарного синдрома начал обсуждаться раньше, чем в социологии. Среди пионеров его описания следует упомянуть Ф. фон Хайека, Дж. Оруэлла, Х. Айзенка. См., например: [Hayek, 1944], [Orwell, 1945], [Eysenck, 1954].

¹¹ Возможно, что это объясняется культурной инвариантностью как психологического механизма активации авторитарного синдрома (внутренне мотивированного или внешне индуцированного отказа от индивидуальной свободы и личной ответственности в пользу традиционных или псевдотрадиционных отношений патерналистского типа), так и организационных условий удовлетворения потребности в отказе от свободы.

Обобщая имеющиеся сегодня трактовки авторитарности, можно выделить шесть наиболее существенных характеристик этого синдрома:

- относительно невысокая ценность личной свободы по сравнению с ценностью принадлежностей «своей» группе;
- двойная мораль (одна для «своих», другая для «чужих»); отрицание универсальности нравственных норм;
- гипертрофированная склонность к иерархичности, признанию безусловных авторитетов; убеждение, что «естественным» типом отношений внутри группы являются отношения господства / подчинения;
- убеждение, что «своя» группа находится в недружественной внешней среде, где, как и внутри группы, «естественным» типом отношений являются отношения господства / подчинения;
- относительно узкий спектр допускаемого разнообразия ценностей и стилей;
- агрессивная нетерпимость.

Совокупность первых пяти элементов позволяет довольно хорошо описать феномен «рутинного» авторитаризма. Добавление шестого делает авторитарный синдром «пассионарным», классическим (именно в таком виде авторитарный синдром описывали Э. Фромм и калифорнийская группа во главе с Т. Адорно). Образно говоря, разница между «рутинной» и «пассионарной» авторитарностью – это разница между авторитарностью пожилого бюрократа и молодого штурмовика, авторитарностью Брежнева и Ленина.

Подробный анализ всех компонентов авторитарного синдрома не входит в задачи данной статьи. Остановлюсь лишь на том, как проявляется авторитарный синдром в отношении к власти.

Максимально упрощая ситуацию, авторитарное отношение к власти можно свести к готовности воспринимать носителей власти как отцов или «старших братьев», то есть людей, обладающих безусловным авторитетом и «более равных», чем все остальные. Это предельно мягкая формула. Развиваясь и усиливаясь, она может преобразоваться во взгляд на властителей как на людей

лучшей породы, вождей нации, мирового пролетариата или всего человечества, представителей Божества на Земле и т.д.¹²

Такое отношение к власти свойственно – хотя и с разной степенью выраженности – культурам подавляющего большинства стран со зрелыми тоталитарными и авторитарными режимами: Китаю, СССР, диктатурам, возникшим в бывших европейских колониях, нацистской Германии, фашистской Италии, франкистской Испании, современным левым диктатурам Латинской Америки.

Очевидно, что при авторитарном отношении к власти трудно смотреть на нее как на институт нанятых менеджеров и тем более испытывать столь важное для либеральной культуры «здоровое презрение к власти» [Хайек, 2005, с. 152]. Разумеется и то, что чем интенсивнее такое отношение, тем хуже оно уживается с концепциями разделения властей, сдержек и противовесов, прозрачности власти, институционализации конфликтов, политической конкуренции, политического участия. Все эти концепции будут, скорее всего, восприниматься либо как идеи лишённые смысла и потому ненужные, либо как антиценности.

Куда более свойственны авторитарной культуре представления о естественности концентрации власти в одних руках; о благотворности единства общества и власти, вождей и народа; о недопустимости публичных конфликтов; о необходимости каждому делать свое дело: властителям – властвовать, рядовым гражданам – честно работать и пр.

Перечисленные характеристики, сформулированные в основном как ценностные предпочтения и политические представления, являются лишь вершиной культурного айсберга. «Подводная» его часть – связанные с ценностями и представлениями стереотипы поведения, которые трудно вербализуемы, но очень важны для понимания механизмов влияния культуры на формирование политических институтов.

---

¹²Неплохой иллюстрацией к сказанному может служить отношение к Ленину со стороны крестьян, несших зимой 1924 года мимо только что построенного Мавзолея плакат «Могила Ленина – колыбель человечества».

Угроза авторитарного синдрома для демократического транзита может проявляться по-разному и зависит, во-первых, от его интенсивности и распространенности в обществе и, во-вторых, от характера демократического транзита. Первое обстоятельство очевидно. Второе нуждается в некоторых пояснениях.

Демократизация (переход от авторитарного режима к демократическому) представляет собой процесс значительного усложнения социальной системы и потому всегда чревата культурным конфликтом между инновационно ориентированными и консервативными частями общества. Этот конфликт с необходимостью предполагает вовлеченность элиты. Модели демократизации исключительно *снизу* или исключительно *сверху* реальности не соответствуют. Речь всегда идет о взаимодействии между элитами и остальным обществом, а также между различными частями элит. Но «требования» к состоянию культуры элит и общества в целом, нужному для успеха демократизации, варьируются в очень широких пределах в зависимости от типа транзита и конкретных условий.

Самым «культурно непритязательным» является транзит, который Ф. Закария называет «непреднамеренным политическим последствием» экономической либерализации [Закария, 2004, с. 82]. Такая либерализация начинается по прагматическим, далеким от идеалов либеральной демократии, соображениям политиков, но провоцирует взаимодействие культуры, социальной структуры и политических институтов. Постепенно это взаимодействие может привести к благоприятным для демократизации изменениям в культуре общества.

В подобной ситуации распространенность авторитарного синдрома на старте экономической либерализации не несет политической угрозы грядущей демократизации. Институты политической демократии появляются не сразу, а после нескольких десятилетий привыкания общества к новым условиям жизни, то есть по мере того, как авторитарные ценности, представления и стереотипы теряют (если теряют) доминантные позиции в культуре общества.

Элитам также необязательно с самого начала обладать системой последовательных либеральных ценностей и представлений: принятие либеральных инноваций в экономике на ценностном уровне не требуется (достаточно того, чтобы они входили в спектр культурно допустимых действий). Так что элиты могут «позволить себе роскошь» постепенной либерализации собственного сознания. Именно культурная непритязательность является, как мне кажется, одной из главных причин, по которым данный тип демократизации чаще всего оказывается успешным.

Важно, однако, иметь в виду, что относительная слабость «требований» к темпам либерализации сознания элит не означает полного отсутствия этих требований. Слишком медленная либерализация (то есть ситуация, при которой представления элиты том, какой должна быть политическая система, меняются медленнее, чем соответствующие представления в контрэлите и активном неэлитном меньшинстве) может при определенных условиях привести к революционному взрыву с плохо предсказуемыми для демократизации последствиями.

Одним из важнейших факторов, порождающих такой взрыв в обществах, вступающих в модернизацию, является фрустрационный процесс, который я называю токвилевым (в честь А. де Токвиля, который впервые обратил на него внимание в книге «Старый порядок и революция»).

Формальная модель токвилевафрустрационного процесса (и его альтернативы–стрессового процесса) была описана мной в [Урнов, 2008 а, в, с]. Здесь же ограничусь напоминанием его основных характеристик. Токвилевфрустрационный процесс свойственен обществам, находящимся на ранних стадиях модернизации или выхода из тоталитаризма. Он развивается на фоне улучшения субъективных оценок социальной ситуации и обусловлен всплеском «химерических» притязаний¹³. Склонность к химерическим притязаниям проявляется в том, что по мере роста уровня

---

¹³ Термин «химерические» (то есть нереализуемые) притязания ввела бельгийский социолог Франсин Робае в 1957 году. См.: [Robaye, 1957].

достижений («имею»), уровень притязаний («хочу») увеличивается намного быстрее уровня ожиданий («могу»).

Вызываемое токвилевым фрустрационным процессом нарастание массовой агрессивности и социального недовольства происходит под лозунгами, которые можно свести к формуле «Хотим, чтобы нам было лучше!»¹⁴. Если претензии, выраженные в этих лозунгах, распространяются на политическую сферу, то главным объектом недовольства становится политическая элита и власть в целом.

В только что упомянутых публикациях, уровень достижений («имею») для простоты отождествлялся мной с уровнем личных доходов. Очевидно, однако, что доход является важной, но далеко не единственной составляющей этого показателя. Уровень достижений может изменяться вследствие изменения оценок самых разнообразных показателей качества жизни – таких, например, как порядок, стабильность, доступность и качество здравоохранения и образования и пр.

Токвилев фрустрационный процесс имел место не только в предреволюционной Франции. Наблюдался он и в России, в период, предшествующий революциям 1917 года, и в СССР перед разрушением коммунистического режима и распадом страны. Эта же тенденция просматривается сегодня в Тунисе, Египте и Ливии¹⁵.

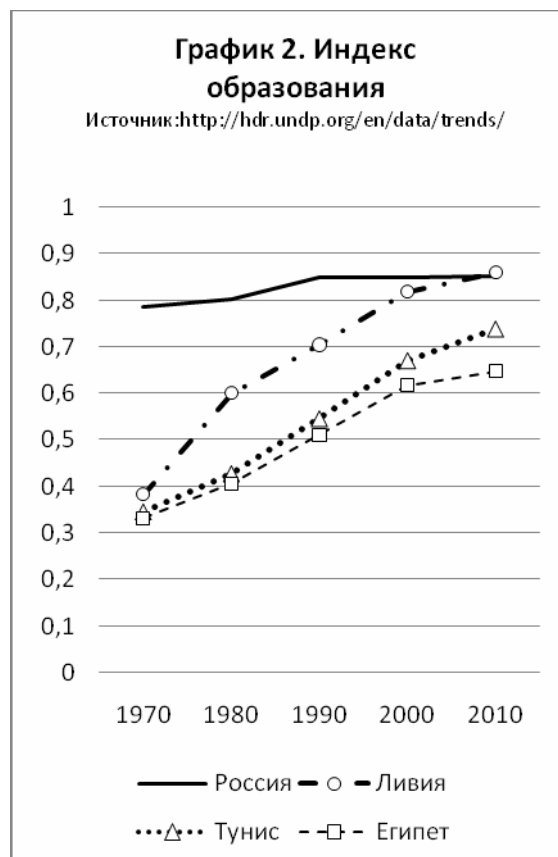
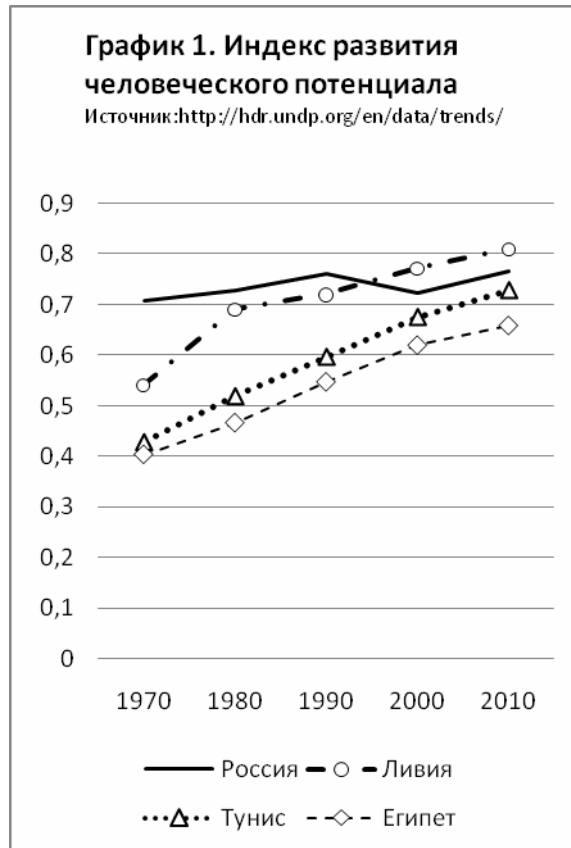
События в этих странах очень напоминают ситуацию во Франции в описании Токвиля. Как и во Франции излете «старого режима», в них в течение 40 лет, предшествовавших революции, наблюдался значительный рост качества жизни (см. графики 1-4). Как и во Франции, улучшение некоторых параметров качества жизни там не сопровождалось соответствующим улучшением других ее характеристик и адекватными изменениями в

---

¹⁴ В отличие от токвилева процесса, стрессовый фрустрационный процесс характерен для обществ со зрелой индустриальной и пост-индустриальной культурой. Он разворачивается на фоне ухудшения оценок социальной ситуации. Лозунгом, типичным для вызываемого им роста массового недовольства, является «Не хотим, чтобы нам было хуже!».

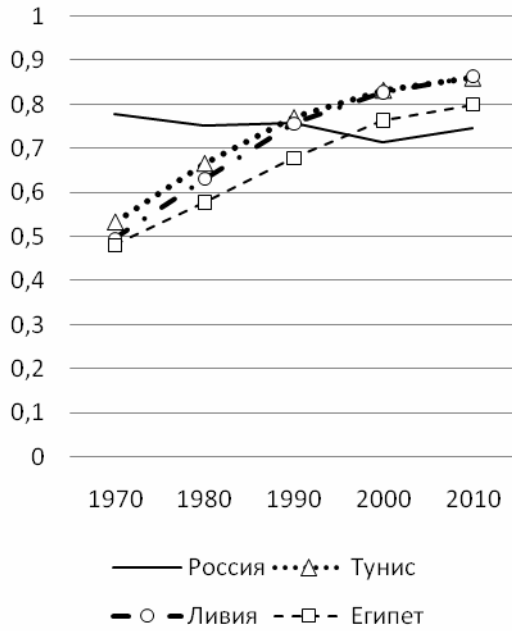
¹⁵ Мысль о том, что рост массового недовольства в этих странах может быть связан с развитием токвилева фрустрационного процесса, была подсказана мне моей коллегой И.В. Соболевой.

политической сфере. В результате накопившийся потенциал недовольства вылился в мощные революционные волны под лозунгами демократизации.

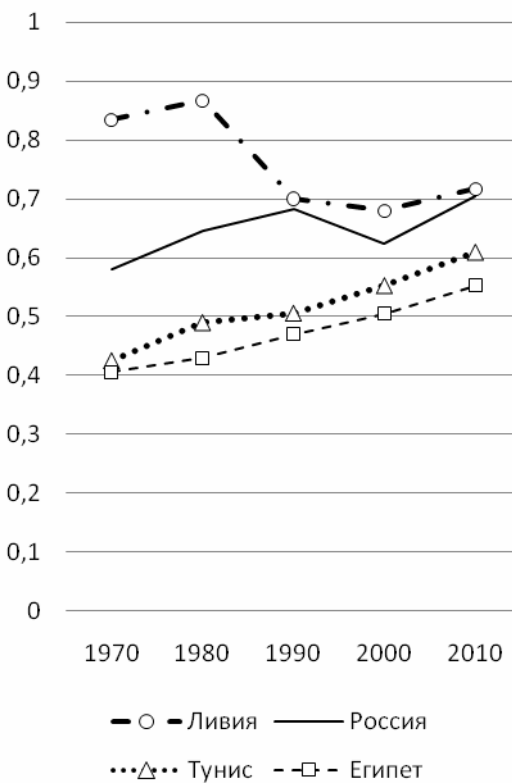
График 3. Индекс ожидаемой продолжительности жизни

Источник: <http://hdr.undp.org/en/data/trends/>

График 4. Индекс дохода

Источник: <http://hdr.undp.org/en/data/trends/>

Здесь важно подчеркнуть два обстоятельства.

Во-первых, для революционного взрыва высокий уровень фрустрации необходим, но недостаточен. Превращение (или, напротив, непревращение) накапливающегося в обществе недовольства в массовый протест зависит от множества обстоятельств. К наиболее важным из них можно отнести следующие:

- имеющиеся «в наличии» типы политических лидеров;
- спектр доступных обществу идеологий;
- структура элит; наличие / отсутствие в обществе влиятельной контр-элиты;
- удельный вес и степень сплоченности социальных групп, обладающих большей по сравнению с остальными склонностью к социальной и политической активности (например, молодежь и, в особенности, студенты);
- наличие / отсутствие организационных структур, координирующих действия таких групп;
- наличие / отсутствие средств информации, обеспечивающих передачу управленческих сигналов от лидеров к рядовым членам групп;
- характер контроля государства за деятельностью общественных групп и связанный с этим тип реакции на массовые выступления и т.д.

Во-вторых, революционный взрыв под либеральными лозунгами отнюдь не гарантирует успеха демократизации. Более того, вероятность успеха в этом случае ниже, чем при ее эволюционном развитии. Дело в том, что характерное для любой политической революции быстрое и массовое заполнение институтов власти новыми людьми, именно в силу быстроты и массовости означает в большинстве случаев замену более опытных менее опытными, «сытых» «голодными» и относительно более цивилизованных менее цивилизованными. В результате во власть в широких масштабах привносятся более традиционные (а порой и архаичные) ценности, представления и стереотипы поведения. Резко

возрастает и склонность власти к коррупции. Перспектива демократизации в таких условиях становится весьма и весьма туманной.

Рассмотрим теперь опасности демократизации, начинающейся без экономической «увертюры», непосредственно с преобразования политических институтов. В такой ситуации культура общества на старте демократического транзита характеризуется, как минимум, относительной неразвитостью либеральных ценностей и представлений, а как максимум – глубоко укоренным и сильным авторитарным синдромом. В последнем случае необходимым условием развертывания демократизации является хотя бы умеренная тенденция его ослабления.

От реформаторской элиты для успеха демократизации здесь требуется очень многое: пропитанность либеральными ценностями, умение договариваться с идеологическими противниками, резистентность к весьма вероятной волне общественного ресентимента, знание факторов, активирующих этот ресентимент, и умение его смягчать. Словом, элите нужны мудрость, знания и опыт, который ей, по большей части, получить неоткуда.

Неудивительно, что вероятность поражения демократических сил при такой демократизации очень высока. Разрушение еще не окрепших демократических институтов может происходить по-разному.

Оно может совершаться медленно, исподволь – путем постепенной инфильтрации авторитарных практик в ткань повседневного функционирования формально демократических институтов. Речь идет о расширении использования различных ограничителей политической конкуренции, свободы СМИ и независимости судебной системы, о распространении авторитарной стилистики отношений внутри политических институтов и между гражданами и властью, о вытеснении или уходе из властных структур людей, несоответствующих этой стилистике, о росте популярности политиков, провозглашающих авторитарные лозунги и пр. Результатом является перерождение институтов демократии в институты авторитарной власти. Спустя некоторое время происшедшие defactoизменения закрепляются

dejureзаконами и иными нормативными актами. Собственно говоря, как раз это и произошло в России 2000-е годы¹⁶.

Демонтаж демократических институтов может происходить и достаточно быстро – в результате активно или пассивно поддержанного населением переворота или в результате демократического наделения властью людей, провозгласивших борьбу с «псевдодемократическим хаосом» целью своей политической программы.

Однако какими бы темпами ни совершался откат от демократии, необходимым условием его успешного осуществления является всплеск ресентимента.

В обществах, находящихся в процессе демократического транзита, основным содержанием ресентимента является активация авторитарного синдрома, то есть его усиление по сравнению с моментом начала демократизации и превращение некоторых или всех его элементов в доминантные характеристики культуры. Иными словами, речь идет о всплеске отторжения демократии на ценностном, когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях.

Ресентимент той или иной силы представляется почти универсальной чертой демократического транзита. Подъем ресентимента наблюдался в подавляющем большинстве стран, захваченных «третьей волной» демократизации, включая и те, в которых первые шаги демократического транзита были встречены приливом энтузиазма населения (СССР, Испания, Португалия и др.).

Причин для активации авторитарного синдрома может быть очень много – неэффективность власти, рост социального неравенства, коррупция, ухудшение материальных и статусных характеристик жизни, разрушение привычной ткани повседневного бытия в сочетании с необходимостью приспособливаться к новым, незнакомым и более сложным условиям и т.д. – словом, все

---

¹⁶ Подробнее о трансформации политической системы России в этот период см., напр.: [Урнов, Касамара, 2005, с. 25-44] и [Урнов, 2007, с. 87-103].

обстоятельства, способные привести к крушению иллюзий и надежд и тем самым породить фрустрацию.

Однако здесь вызываемая фрустрацией агрессивность наполняется содержанием прямо противоположным тому, каким она обычно бывает наполнена на самом старте демократизации. Тогда агрессивность направлена против тех, кто сдерживает либеральные преобразования в политике, теперь – против тех, кто их осуществляет.

Волны ресентимента свойственны подавляющему большинству переходных обществ, но сила таких волн существенно различается от страны к стране.

Помимо прочего, эти различия связаны с наличием или, напротив, отсутствием в культуре страны компонентов, обладающих антиресентиментным эффектом.

К числу таких компонентов относится идентификация с сообществом успешных демократий. Влияние этого фактора хорошо прослеживается в странах Восточной Европы и Балтии. Чувство принадлежности к демократическому Западу с разной степенью интенсивности проявлялось там в течение всего времени господства тоталитарных режимов, а в период развала советской империи оказалось среди доминантных элементов культуры. Ощущение идентичности с Западом и стремление институционально закрепить эту идентичность были для восточноевропейских стран одним из главных мотиваторов демократизации. Вряд ли будет ошибкой утверждать, что желание воссоединиться с Западом было для них столь же мощным фактором демократизации, как и желание восстановить национальную независимость. Последняя понималась двояко – и как выход из советской (российской) сферы влияния, и как восстановление уничтоженных Советским Союзом институтов демократии.

По мере развертывания процессов транзита и возникновения связанных с ними проблем, ориентация на Запад в значительной мере смягчила в этих странах ресентимент и блокировала возможность авторитарного реванша.

В Советском Союзе и постсоветской России ориентация на Запад также играла и играет роль блокиратора авторитарного синдрома. Согласно большинству социологических опросов, в российском массовом сознании «западничество» тесно связано с ориентацией на демократические ценности, тогда как славянофильство, евразийство и иные формы противопоставления России Западу являются коррелятом компонентов авторитарного синдрома.

Однако распространенность западничества в России заметно ниже, чем в Восточной Европе, и несколько иного качества – значительная часть тех, кто ориентирован на Запад, видит Россию не столько частью Запада, сколько его партнером. Относительная слабость западничества в российской культуре объясняется тем, что тут ему традиционно противостоит великодержавность – стремление видеть свою страну не столько равноправной частью какого-либо сообщества, сколько самостоятельным мировым игроком, которого боятся и потому уважают¹⁷ и который в состоянии навязать свою волю другим.

Великодержавность является устойчивым компонентом российской идентичности в течение, по меньшей мере, двухсот лет. В XX веке в России было всего два сравнительно коротких периода (примерно по десять лет каждый), когда идея великодержавности популярностью не пользовалась: с 1917 года по середину 1920-х годов и с середины 1980-х по середину 1990-х годов.

Эти две волны «атипичных» настроений были порождены разными причинами и по-разному проявлялись в политической практике, но в обоих случаях сменялись приливами великодержавности и национализма.

В 1990 г., по оценкам специалистов Левада центра (тогда ВЦИОМ), так называемый «державный» тип массового сознания в различных формах оказывал влияние примерно на 20% населения [Московские новости. 1990. № 20]. Среди политиков федерального уровня распространенность имперского синдрома была значительно ниже. Согласно проведенному мной в 1990

---

¹⁷ В моем исследовании 2004 года «Синдром радикального авторитаризма в российском массовом сознании» около 60% опрошенных россиян согласилось с утверждением «Россию должны бояться, только тогда ее будут уважать» [Урнов, Касамара, 2005, с. 54].

г.опросу делегатов I Съезда народных депутатов РСФСР, доля народных избранников с выраженным имперским синдромом составляла всего 4%¹⁸.

В настоящее время ситуация выглядит по-иному. По данным того же Левада центра, в 2008 году, отвечая на вопрос «В какой стране вы хотели бы жить?», 75% россиян указали «в огромной, которую уважают и побаиваются другие страны» и 19% - «в маленькой, уютной, безобидной стране».

Таким образом, по сравнению с 1990 годом популярность идей великодержавности возросла примерно в 4 раза. Впрочем, при менее контрастной формулировке вопроса тот всплеск выглядит не столь драматично. В 2005-2010 годах в ответах на вопрос «Какой Вы бы хотели видеть Россию в первую очередь – великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны или страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира?» доля сторонников «величия и мощи» колебалась в интервале 36-39%, то есть была выше уровня 1990 года не в 4, а в 2 раза¹⁹. Иными словами, на уровне массового сознания упоминание о возможности высокого уровня жизни оказывается довольно сильным средством «смягчения великодержавных нравов».

Что же касается политической элиты, то там идея великодержавности сейчас, по-видимому, доминирует²⁰.

Довольно четкая связь между великодержавностью и антизападничеством существовала в российской культуре уже в XVIII веке, причем в исторической динамике интенсивность антизападничества как дополняющего великодержавность элемента устойчиво возрастала. В советский период она достигла максимума, и попытка М.С. Горбачева устранить

---

¹⁸Речь идет о тех депутатах, которые одновременно предпочли патриотизм справедливости и великодержавность демократии. Удельный вес имеющих прямо противоположную точку зрения (справедливость выше патриотизма, а ценность демократии значимее ценности великой державы) равнялся 29% [Урнов, 1993, с.44-47].

¹⁹ Удельный вес поддерживавших идею быть «скорее богатыми, чем сильными» находился в интервале 56-62%.

²⁰Об этом свидетельствуют, в частности, результаты проведенного В.А. Касамара и А.А. Сорокиной исследования (2010 г.) политического сознания депутатов Государственной Думы. См.: [Урнов, Касамара, Соболев, Соболева, Сорокина, 2011, с. 28-44]

антагонизм между этими двумя составляющими российского мировосприятия, как известно, закончилась неудачей.

К культуре современной России положительная зависимость между великодержавностью и антизападничеством сохраняется. Так что сегодня, как и прежде, прозападные ориентации и великодержавность у нас играют друг с другом в «игру с нулевой суммой» – чем шире распространена великодержавность, тем меньше популярность западничества и наоборот. Неслучайно наблюдавшийся в предкризисные годы рост великодержавных настроений²¹ сопровождался усилением антизападничества, а в посткризисный период, когда пафос великодержавности в населении страны несколько ослабел, слегка улучшилось и отношение к Западу.

По данным Института социологии РАН, в 1995-2007 годах доля опрошенных россиян, позитивно воспринимающих упоминание о США, снизилась в 77 до 37%. Ухудшался и образ Западной Европы: в течение 2002-2007 годов среднее количество упоминаемых респондентами негативных характеристик Западной Европы выросло с 37 до 45%²². В 2008-2010 гг., на фоне кризисных явлений, уверенность россиян в великодержавном будущем страны ослабела. Согласно ВЦИОМ, доля считающих, что в ближайшие 15–20 лет Россия станет великой державой, снизилась в этот период с 50 до 36%²³. Одновременно увеличился удельный вес граждан России «скорее положительно» относящихся к Европейскому Союзу и НАТО: соответственно с 48 до 55% и с 12 до 22%²⁴.

Наличие в культуре элементов, способных смягчить ресентимент, заметно облегчает реформаторской элите процесс демократического транзита.

---

²¹ Косвенным признаком силы этих настроений служило практическое отсутствие в российском массовом и элитном сознании здорового чувства самоиронии по поводу всеобщей озабоченности величиной страны. В результате повседневные проявления великодержавного пафоса приобретали порой комичные формы – вроде появления на прилавках копченой колбасы под названием «Имперская».

²²[Российская идентичность в социологическом измерении, 2007]

²³[<http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=13805>]

²⁴[<http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13711>]

Если же таких элементов нет или они слабы, демократической элите следует задуматься о создании механизмов его смягчения – в частности, о развертывании системы мер по трансформации авторитарной культуры в культуру демократическую.

Об особой роли направленного формирования ценностей и стереотипов поведения для развития и функционирования демократии писали еще Монтескье и Токвиль – не употребляя, разумеется, таких слов²⁵. Много лет спустя, в 1944 году, о необходимости системных усилий по преобразованию культуры, сформированной в Германии нацистским режимом, писал один из самых блестящих психологов XX века К. Левин [Левин, 2000, с. 160-196]²⁶.

Полагаю, что минимальный пакет мер по культурному «перепрограммированию» переходного общества должен включать следующее:

– целенаправленное разрушение мифов, ценностей, представлений и стереотипов авторитарной культуры и содействие распространению либеральной культуры с помощью электронных СМИ, Интернета, структур среднего и высшего образования («либеральная прививка» обществу);

– массовое обучение демократическому управлению представителей всех уровней власти (его К. Левин считал первоочередной мерой в системе усилий по переходу от тоталитарной к демократической культуре [Левин, 2000, с. 171]);

– государственная поддержка развития структур гражданского общества и любых других демократических практик общественной жизни;

---

²⁵ Первый говорил, что «ни одно правление не нуждается в такой степени в помощи воспитания, как республиканское правление» [Монтескье, 1999, с. 39]. Второй писал, что «важнейшими из обязанностей, налагаемых в наши дни на тех, кто управляет обществом», является «обучать людей демократии, возрождать, насколько это возможно, демократические идеалы, очищать нравы, регулировать демократические движения, постепенно приобщать граждан к делам управления государством, избавляя их от неопытности в этих вопросах ...». Если этого не происходит, то демократия – как это было во Франции в период революции – оказывается «предоставлена власти диких инстинктов» [Токвиль, 1992, с. 30].

²⁶ Опыт нацистской Германии показывает, что для превращения разрозненных элементов авторитарности, имеющихся, по-видимому, в любой культуре, в мощный авторитарный синдром вполне достаточно 5-10 лет. [см., например: Conrardt, 1989]. Что же касается его изживания, то этот процесс происходит значительно медленнее и имеет тенденцию превратиться в поколенческую проблему

– государственная политика, направленная на повышение (или, как минимум, недопущение снижения) социального статуса общественных групп, оказывающих наибольшее влияние на культурную трансформацию (учителя, преподаватели вузов, художественная и научная интеллигенция, журналисты) и максимально широкое привлечение представителей этих групп к сотрудничеству с властью.

Разумеется, перечисленные меры не гарантируют отсутствия волны ресентимента, однако уменьшить ее силу они вполне могут.

Недооценка важности, а то и отрицание самой идеи перепрограммирования культуры характерна для многих реформаторов-либералов²⁷. Идеологически это связано с характерным для либерального мировоззрения негативизмом по отношению к любым формам государственного вторжения в сферу индивидуального выбора.

Прагматическим основанием этой позиции служит упоминавшийся взгляд на культуру как на функцию экономических и социально-структурных переменных. Одним из распространенных сегодня проявлений этого взгляда является утверждение, что развитие среднего класса представляет собой наилучшую гарантию необратимости демократических преобразований. Многочисленные замечания о том, что средний класс может обладать различными системами ценностей и что в зависимости от системы ценностей он в состоянии с одинаковым успехом быть опорой как демократического, так и тоталитарного режима²⁸, в расчет, как правило, не принимаются.

Чем бы ни объяснялась недооценка культурного фактора демократизации, она, как правило, не остается безнаказанной. Поэтому я полностью согласен с К. Левиным, утверждавшим, что «демократический лидер, который хочет изменить групповую атмосферу на демократическую, должен обладать властью и должен использовать ее для активного переобучения», и что

---

²⁷ Этим они отличаются от реформаторов тоталитарных. Последние очень высоко ценят роль культуры в обеспечении устойчивости политического режима и сразу же после получения или захвата власти начинают проводить в жизнь тот или иной вариант «культурной революции».

²⁸ Подробнее см.: [Lipset, 1981, p. 127-179].

«демократический принцип толерантности к окружающим имеет одно существенное ограничение: не менее необходимой является “демократическая нетерпимость к нетерпимым”» [Левин, 2000, с. 170, 162].

Если говорить о содержательных аспектах перенастройки культуры на демократический лад, то следует иметь в виду, что ее объектом является не авторитарная культура в чистом виде, а культура переходного типа, то есть культура далеко не целостная, в которой элементы авторитарного синдрома находятся в порой причудливых сочетаниях с чужеродными для него элементами.

К наиболее часто встречающимся и опасным химерам культуры переходных обществ относится сочетание крайних форм индивидуализма с не менее крайними патерналистскими ожиданиями от государства. На быденном языке этот странный гибрид индивидуалистических и коллективистских начал можно было бы выразить следующим образом: я имею право делать то, что мне хочется, у меня нет обязательств ни перед обществом, ни перед государством – зато общество и государство обязаны обеспечить мое благополучие.

Этот «индивидуалистический патернализм» несовместим ни со зрелой авторитарной, но со зрелой демократической культурой, однако его легко обнаружить в обществах с разлагающимся или, наоборот, становящимся авторитарным режимом левого толка, а также в обществах, освободившихся от левого авторитарного режима, но еще на завершивших демократический транзит. В той или иной степени он характерен для всех бывших социалистических стран Восточной Европы, и для современной Венесуэлы. Разумеется, он был распространен и в СССР на излете коммунистического режима. В постсоветской России он также преобладает.

Еще раз сошлюсь на свое исследование 2004 года. В нем, выбирая между позициями «Государство обязано гарантировать каждому приличную работу и достойный уровень жизни» и «Государство должно заботиться о благосостоянии только тех, кто действительно не может работать (старика,

дети, инвалиды)», 68% опрошенных предпочли первую позицию, 28% – вторую и 4% затруднились ответить. [Урнов, Касамара, 2005, с. 56].

По данным Левада центра, в течение 1990-2008 гг., в ответах на вопрос о том, «какой принцип отношений между государством и его гражданами Вы бы лично поддержали», доля утверждающих, что «государство должно больше заботиться о людях» возросла с 57 до 82%, а удельный вес считающих, что «люди должны проявить инициативу», снизился с 25 до 12%. В 2008 г. доля полагающих, что «большинство людей в России не сможет прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства» составляла 81%, против 15%, придерживающихся противоположного мнения. В том же году 78% респондентов утверждали, что государство, «которое проявляет всестороннюю заботу о своих гражданах, обеспечивает им широкие гарантии и контролирует экономику», *обеспечивает своим гражданам «больше свободы»,* чем государство, «которое по большей части не вмешивается в экономические дела и обеспечивает своим гражданам только минимальные социальные гарантии». Противоположного мнения придерживались только 14% опрошенных. [Гудков, Дубин, Зоркая, 2008. с. 27, 28, 87].

Отмечу, что взгляд на государство как на защитника и покровителя вполне может сочетаться с глубоким недоверием к нему. В моем исследовании 2004 года 72% российских респондентов согласились с утверждением, что «большинство чиновников в России – это воры» и примерно столько же опрошенных (75%) заявили, что «такие ключевые отрасли, как электроэнергетика, угольная промышленность, нефтяная промышленность и железные дороги должны принадлежать государству» [Урнов, Касамара, 2005, с. 62].

Чем более распространен «индивидуалистический патернализм» в обществе, находящемся в процессе демократизации, тем драматичнее встает перед ним альтернатива: отказ от упрощенных представлений о правах индивида и социальной роли государства и создание эффективной рыночной экономики и стабильной демократической политической системы или возврат к

авторитарному режиму, куда более коррумпированному и значительно менее эффективному, чем режим, существовавший до попытки демократизации.

Ответ на вопрос о том, сколько неудачных попыток демократизации в состоянии пережить страна, прежде чем распадется, во многом зависит от состояния ее культуры.

Литература

- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. (2008) Постсоветский человек и гражданское общество. – М.: Московская школа политических исследований, 2008.
- Даль Р. (2003) Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН, 2003.
- Закария Ф. (2004) Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. – М.: Ладомир, 2004
- Левин К. (2000) Разрешение социальных конфликтов. – СПб.: Речь, 2000.
- Макклелланд Д. (2007) Мотивация человека. – СПб.: Питер, 2007
- Мертон Р. (2006) Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006
- Монтескье Ш. (1999) О духе законов. – М.: Мысль, 1999
- Парсонс Т. (2002) О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002
- Пшеворски А. (2000) Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 2000
- Рождественский Ю.В. (2000) Введение в культуроведение. – М.: Добросвет, 2000
- Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. (2007). – М.: Институт социологии РАН, 2007. http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html
- Токвиль, де. А. (1992) Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992
- Триандис Г. (2007) Культура и социальное поведение. – М.: ФОРУМ, 2007
- Урнов М.Ю. (1993) К анализу политического сознания народных депутатов (по материалам социологического исследования) С.34-63 // Рабочий класс и социальный прогресс. 1993. – М.: Наука, 1993
- Урнов М.Ю. (2007) Трансформация политического режима в России: содержание и возможные последствия // Красин Ю.А. (ред.) Демократия и федерализм в России. – М.: РОССПЭН, 2007. С. 87-103.
- Урнов М.Ю. (2008 а) Динамика массовой агрессивности в сообществах с различным уровнем развития достигательного поведения. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008. №4. С. 132-146.
- Урнов М.Ю. (2008 б) Динамика массовой агрессивности в сообществах с различным уровнем развития достигательного поведения. Статья 2 // Общественные науки и современность. 2008. №5. С. 137-151.
- Урнов М.Ю. (2008 с) Эмоции в политическом поведении. – М.: Аспект Пресс, 2008
- Урнов М.Ю., Касамара В.А. (2005) Современная Россия: Вызовы и ответы. – М.: ФАП «Экспертиза», 2005

- Урнов М.Ю., Касамара В.А., Соболев А.С., Соболева И.В., Сорокина А.А. (2011) Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики — построение эмпирической модели: препринт WP14/2011/01; Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011
- Хантингтон С. (2003) Третья волна. Демократизация в конце XX века – М.: РОССПЭН, 2003
- Шелер М. (1999) Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, 1999
- Conradt, D.P. (1989) Changing German Political Culture // Almond, G.A., Verba, S. (Eds.) The Civic Culture Revisited. – Newbury Park, London, New Delhi, Sage Publications, Inc., 1989. P. 212-272.
- Eysenck, H. (1954) The Psychology of Politics. – London, Routhledge&Kegan Paul, 1954.
- Fischer, R. (2006) Congruence and Functions of Personal and Cultural Values: Do My Values Reflect My Culture's Values? // Personality and Social Psychology Bulletin, 2006, Vol. 32, Issue 11, pp. 1419-1431.
- Hayek von, F. (1944) The Road to Serfdom.– University of Chicago Press, 1944. Русское издание: Хайек Ф. Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005
- Hofstede G. (1984) Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – Newbury Park (Ca.), London, New Delhi: Sage Publications, 1984
- Inglehart, R. (2003) How Solid Is Mass Support for Democracy: And How Can We Measure It? // Political Science and Politics, 2003, Vol. 36, No. 1, pp. 51-57.
- Inglehart, R., Baker, W.E. (2000) Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review, 2000, Vol. 65, No. 1, pp. 19-51.
- Lipset, S. M. (1959) Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review, 1959, Vol. 53, No. 1, pp. 69-105.
- Lipset, S. M. (1981) Political Man. The Social Basis of Politics – Baltimore (Md.): The Johns Hopkins Univ. Press, 1981
- Olson, M. (1963) Rapid Growth as a Destabilizing Force // Journal of Economic History, 1963, Vol. 23, No 4, pp. 529-552
- Orwell, G. (1945) Notes on Nationalism, 1945 // http://orwell.ru/library/essays/nationalism/english/e_nat
- Przeworski, A., Limongi, F. (1997) Modernization: Theories and Facts // World Politics, 1997, Vol. 49, No. 2, pp. 155-183
- Robaye, F. (1957) Niveaux d'aspiration et d'expectation. – Paris: Presses Universitaires de France, 1957
- Schumpeter, J. (1944) Capitalism, Socialism, and Democracy. – London: George Allen & Unwin, 1944
- Schwartz, S.H., Bilsky, W. (1987) Toward A Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology, 1987, Vol. 53, No 3, pp. 550-562.
- Stryker, S., Burke, P. (2000) The Past, Present, and Future of an Identity Theory // Social Psychology Quarterly, 2000, Vol. 63, No. 4, p. 286.
- Serpe, R., Stryker, S. (1987) The Construction of Self and Reconstruction of Social Relationships // E. Lawer, B. Markovsky (Eds.). Advances in Group Processes: A Research Annual 1987. – Greenwich (Ct.): JAI Press, 1987, pp. 41-66.
- Valsiner, J. (2007) Personal culture and conduct of value // Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology, 2007, Vol. 1, No 2, pp. 59-65.